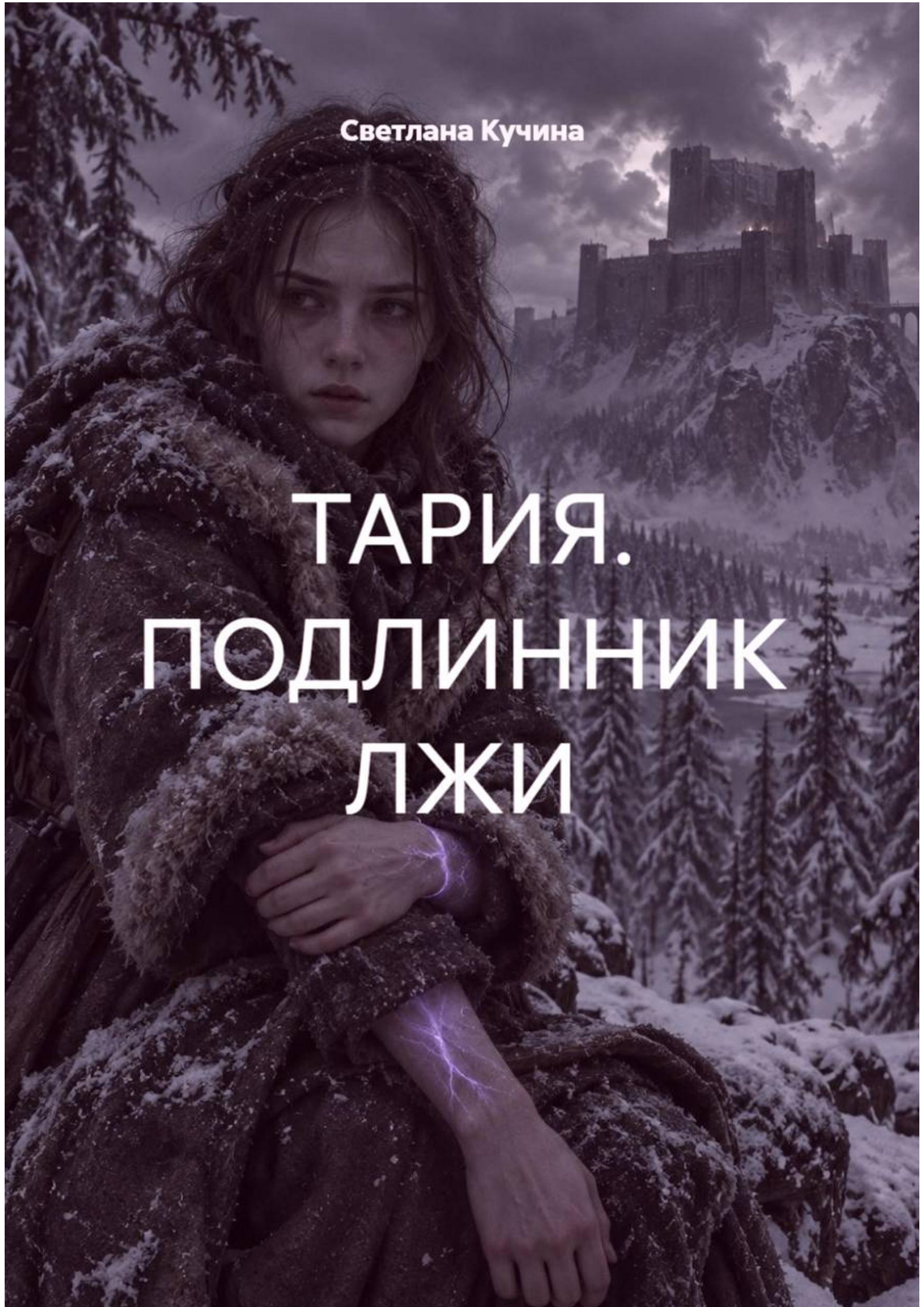

Светлана Кучина

ТАРИЯ. ПОДЛИННИК ЛЖИ

Светлана Кучина

ТАРИЯ. ПОДЛИННИК ЛЖИ

«Автор»

2026

Кучина С. В.

ТАРИЯ. ПОДЛИННИК ЛЖИ / С. В. Кучина — «Автор», 2026

Официальная история гласит: тридцать лет назад Великий Потоп стёр с лица земли старый мир, засыпав города многометровым слоем глины. На обломках великой Чартарии воцарился бездушный уклад Верховной Канцелярии. Теперь тепло — это дефицитный капитал, а шеи коренных жителей ломают обручами контроля, выжигая память. Лиза Ильина была обычным городским архивариусом из Тюмени XXI века, страдавшей от панических атак. Но короткое замыкание выбрасывает её сознание сквозь века — прямо в израненное тело шестнадцатилетней Лизаветы Чаровской, последней Носительницы сиреневого жара, за которой устроили тотальную охоту. Очнувшись в подземном склепе, Лиза понимает: её паника была родовым каналом связи. А под мостовыми Сахонского Города тридцать зим бьются тысячи живых рук. Чартарию заживо похоронили руками крестьян, усекли имя страны до куцега «Тария» и превратили её в каторгу. Но архивный разум верит только Подлинникам. Чернильная ложь ведомств подходит к финалу.

© Кучина С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Светлана Кучина

ТАРИЯ. ПОДЛИННИК ЛЖИ

Пролог

Она помнила только белую, ослепительную вспышку и крик, который намертво застрял где-то в горле, так и не сумев прорваться наружу.

Рыжий, пятимесячный Тимошка — наглый пушистый зверь — в очередной раз полез в узкую щель за холодильник и с глупым урчанием вгрызся в провода. Лиза, только что вышедшая из душа, босиком, в просторной пижаме и с мокрыми, тяжёлыми волосами, рванулась к нему, пытаясь перехватить за шкурку, но именно в это мгновение тёмный угол кухни с сухим треском лопнул, и мир залило безжалостным, горячим электрическим заревом. Короткий, одиночный разряд прошёл сквозь её левую ладонь. Тяжёлый старинный браслет из фамильного сиреневого самоцвета, который она всю жизнь носила на запястье не снимая, в ту же секунду раскалился добела, намертво оставляя на коже бледную полосу. Мир лопнул, выжигая сознание, и привычная реальность перестала существовать.

На языке остался лишь жгучий, металлический привкус меди — точь-в-точь как в детстве, когда лизнёшь на морозе плоскую батарейку, — последнее, что связывало её с той, прежней жизнью.

Сознание возвращалось неохотно, по капле. Сперва в нос ударил тяжёлый, глухой дух векового камня и ветоши, поднимавшийся из таких глубоких подземелий, о существовании которых сама земля, казалось, позабыла сотни лет назад. Следом пришёл холод, вползающий под одежду и безжалостно прижимающий лопатки к неровному, шершавому полу, и только затем до ушей донеслась тишина — плотная, осязаемая, забравшая у этого места голос раз и навсегда.

Лиза с трудом разомкнула веки.

Одиноким луч лунного света пробивался сквозь узкую прореху окна с выбитым стеклом, ложась бледной, призрачной полосой на низкие своды и крошащиеся плиты пола. Каменный потолок нависал так низко, словно норовил лечь ей прямо на плечи, а в углах вековая тьма въелась в породу настолько глубоко, что стены уже не различали, где кончается их собственная плоть и начинается мрак.

Лиза попыталась пошевелиться, чтобы подняться, и обмерла от ужаса.

Ладони были слишком крошечными, пальцы — пугающе узкими и тонкими, а грудная клетка вздымалась мелко-мелко, физически не способная набрать полную глубину вдоха. Чужое, девичье сердце колотилось непривычно быстро и легко. Совершенно не узнавая собственных рук, она поднесла их к самому лицу. На левом запястье чётко выделялась полоса кожи чуть светлее остальной, напоминая след от широкого браслета, который носили долго и сняли совсем недавно.

Лиза похолодела: тонкие сиреневые прожилки под полупрозрачной девичьей кожей пульсировали, извивались и всей своей массой одновременно стягивались к бледному следу от браслета на запястье, заполняя его живым, бьющимся в такт сердцу лиловым жаром. Словно чужое тело намертво впитало в себя её камень сквозь раны от кандалов.

— Не может быть... — прошептала она, но голос прозвучал слишком тонко, высоко и неузнаваемо.

Лиза испуганно зажмурилась, сосчитала до трёх и снова открыла глаза, но ничего не изменилось: всё тот же глухой подвал, мёртвые стены и лунный луч на чужих руках. Сердце заходило в бешеном, чакающем ритме, воздух застревал в узкой груди, и Лиза подумала о

том, о чём привычно и тоскливо думала последние девять лет при каждом возвращении своего личного кошмара — паническая атака. Снова.

Она слишком хорошо знала, как это бывает в самом начале. Собственное тело внезапно кажется чужим, деревянным, а всё вокруг затягивается мутной плёнкой нереальности, словно ты смотришь на мир откуда-то сбоку, через засиженное мухами толстое стекло. Психотерапевт объяснял ей это не раз и не два: это обычный сбой восприятия, он обязательно пройдёт минут через десять, если только заставить себя дышать правильно. Четыре коротких вдоха, задержка, забытый длинный выдох — она сотни раз перечитывала эту нехитрую схему на унылых тематических форумах, где такие же несчастные, как она, глухими ночами испуганно писали в пустоту: *«Помогите, снова накрыло, что делать...»* Четыре-семь-восемь. Вдох — задержка — медленный выдох. Лиза крепко зажмурилась и принялась послушно отсчитывать про себя секунды, пытаясь удержать ускользающее сознание: четыре — один, семь — один, восемь — один, четыре — два, семь — два...

Наконец она замерла и уставилась в густой полумрак над головой. Нет, она не просто смотрела — она дико, ожесточённо впивалась взглядом в низкий каменный свод, и эта шершавая порода словно давила на неё в ответ, и всё происходящее было абсолютным, чистым безумием. Каменные плиты не должны так бесстыдно разглядывать человека, да и вообще у неё дома потолок был обычным, побеленным, со знакомой до боли извилистой трещиной, тянувшейся от старой люстры к самому углу. Лиза знала там каждый скол, ведь она лежала под ним добрых десять тысяч раз, считая и давая им имена — вот эта короткая, вот эта длинная, а вот эта раздваивается, точно сибирская река на географической карте. Но здешний потолок был чужим, и грубые трещины на нём дышали вековым холодом, и сам камень, и это крошечное тело — всё вокруг было чужим.

«Новый этап», — обречённо подумала она. За долгие годы непрерывной борьбы со своим организмом она, казалось, повидала всё: и дикую тахикардию, когда сердце готово выскочить из горла, и удушье, и леденящее онемение пальцев, и вязкую дереализацию, когда кажется, что ты вот-вот умрёшь, или уже умерла, или — что самое страшное — не умрёшь никогда, и этот кошмар останется с тобой навсегда. Всё это было пройдено. Но такого — каменного склепа над головой, прозрачных детских рук и узкого окна, в которое бесцеремонно ломится луна — в её арсенале ещё не случалось. Значит, паническая атака просто эволюционировала. Поздравляем, Лиза, вы перешли на следующий уровень, и ваш заслуженный приз в мешке — средневековый подвал и тело шестнадцатилетней девчонки, наслаждайтесь.

Или нет. Или это вовсе не этап, и она действительно умерла там, на своей тесной кухне. Тот мощный удар током — она ведь отчётливо помнила мокрые после душа волосы, розетку, холодильник, наглую рыжую морду Тимошки и то, как она рванулась вперёд, перехватывая провода... А дальше — лишь глухая тьма. И всё, что происходит сейчас, — просто утасоющий мозг. Обычная агония, когда умирающий орган медленно, нейрон за нейроном, синапс за синапсом, тушит последние воспоминания и перед окончательной смертью решил показать ей кино. Последний, прощальный сеанс, билет на который вернуть уже невозможно. Лиза лежала на ледяных плитах и смотрела финальный фильм собственного гибнущего разума, и декорации в нём были дешёвыми, каменными, а актриса в главной роли — немолодая, уставшая женщина из съёмной квартиры. Тридцать два года, круглое одиночество, и кот... Кот ведь остался там совсем один, без корма. Мысль о том, что Тимошка теперь заперт в пустой комнате и сдохнет от голода, обожгла её такой острой, яростной жалостью, что внутри всё перевернулось. Почему-то именно про кота было обиднее и страшнее всего — не про собственную нелепую смерть, а про то, что рыжий дурак сидит сейчас у двери, преданно ждёт, заветный пакет с кормом лежит на самой верхней полке, но в эту квартиру больше никто и никогда не придёт.

И в этот миг Лиза окончательно и бесповоротно устала.

Это не было привычным оцепенением перед лицом очередной панической атаки — навалилось всё разом. Мысли, до этого иступлённо скакавшие в голове, точно испуганные блохи, внезапно замерли, новое тело по-прежнему дрожало и наотрез отказывалось слушаться, чужой каменный свод продолжал давить на лопатки, а луна равнодушно лила свой призрачный свет, совершенно ничего не зная про неё. Ей было абсолютно всё равно. Лиза испытала ту предельную, свинцовую усталость, какая настигает человека в самом конце бесконечной, изматывающей дороги, когда ноги больше физически не способны сделать ни единого шага, и ты просто без сил опускаешься на пыльную обочину, окончательно позабыв, куда шёл и зачем. Ты просто замираешь на месте.

Она вытянула руки вдоль туловища, заставив себя ровно лечь на холодные плиты пола, и плотно закрыла глаза. Чужая девичья плоть всё ещё содрогалась в мелкой судороге, испуганное сердце отчаянно колотилось в узких рёбрах, а воздух вокруг оставался всё таким же липким, густым и нехорошим, но Лиза лишь равнодушно подумала: «Пусть. Хватит с меня, больше я не сделаю ни единого движения».

Стоило ей снова разомкнуть веки, как она похолодела.

В тёмном провале полуразрушенной каменной арки беззвучно выросла высокая, широкоплечая фигура. Лицо незнакомца, бледное и абсолютно неподвижное в лунном сиянии, напоминало вытесанную из каменной породы маску — резкие скулы, тяжёлая челюсть и крутые надбровные дуги казались пугающе правильными, словно мастер безжалостно отсек с этой физиономии всё лишнее, живое и человеческое. Тёмные, лишённые малейшего блеска глаза смотрели в упор, не выдавая ровным счётом ничего — ни злости, ни банального любопытства, ни капли жалости. Это была страшная, хищная и холодная красота монолита, от которой подсознательно хотелось немедленно отвернуться.

Поверх воротника его потёртой, грубой одежды тускло поблёскивал обруч — тяжёлое тёмное кольцо контроля, матовый металл которого въелся в шею так плотно, что границы между кожей и рубцами практически стёрлись. От этого кольца во все стороны исходил низкий, давящий инфразвук. Тяжёлый, мёртвый ритм чужого камня грубо наложился на её собственное испуганное сердцебиение, вызывая дикую мгновенную тошноту и заставляя челюсти сжаться до невыносимого хруста в зубах. Воздух вокруг незнакомца резко запахом озоном и палёной шерстью.

— Так ты всё-таки выжила, — произнёс он.

Низкий, плоский голос прозвучал удивительно ровно, без тени насмешки или угрозы — это была сухая констатация факта. Он не спрашивал, он лишь утверждал. И всё же на долю секунды в его каменном лице что-то едва заметно дрогнуло, но незнакомец тут же погасил эту мимолётную эмоцию, как гасят пальцами фитиль догорающей свечи. Привычно и безжалостно.

«Убьёт», — вспыхнула в голове Лизы единственная, отчётливая и леденящая мысль.

И в это мгновение сеть замкнулась.

Сиреневые прожилки под прозрачной девичьей кожей, до этого лишь едва заметно мерцавшие, внезапно воспламенились разом — ярко, бешено и яростно. Новая кровь среагировала на инфразвук тёмного обруча сокрушительным тепловым ударом, и этот поток энергии лавиной хлынул прямо к левому запястью. Комната наполнилась сухим треском статического электричества. Сиреневый поток энергии мгновенно вырвался из её предплечий, ложась плотным, обжигающе горячим коконом, защитным температурным барьером. Лиза не звала эту неведомую аномалию, сила пришла сама — точно так же, как срабатывает безусловный рвотный рефлекс, когда испуганный организм спасает себя без малейшего спроса со стороны разума.

Незнакомец резко отшатнулся назад, в полумрак арки, инстинктивно защищая лицо широким рукавом грубой одежды.

Эта чудовищная, дикая вибрация внутри собственного тела, от которой зубы ныли, пугала Лизу сейчас гораздо сильнее, чем стоящий перед ней мужчина.

Незнакомец ударил наотмашь — тяжёлая багровая волна силы, плотная, как свинцовая плита, рванулась из его матового камня прямо к ней, но сиреневый барьер на коже принял этот сокрушительный удар на себя. Воздух между ними оглушительно хлопнул, запахло палёным. Мелкие трещины змейками побежали по защитной поверхности, свечение судорожно мигнуло, готовое вот-вот погаснуть от перегрузки, но всё-таки выдержало. Едва-едва, на самом последнем, изнемогающем физиологическом пределе плоти.

На какую-то долю секунды они оба замерли, тяжело дыша и не сводя друг со друга глаз в звенящей тишине склепа.

Но в следующий миг где-то глубоко под ними, в крошечной темноте невидимых провалов, что-то рухнуло с глухим, раскатистым и тяжёлым грохотом. Древние каменные стены ощутимо содрогнулись, и ледяной пол мелко завибрировал под Лизиной спиной, заставляя незнакомца судорожно дёрнуться на этот внезапный, пугающий звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.